

Кирилл Гришин

99

Кирилл Гришин

99

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Гришин К. А.

99 / К. А. Гришин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Выбор. Властен ли человек над ним? Максим, в силу своей молодости, считал, что это так, но неожиданно для себя он сталкивается с несправедливым, но отлично вписывающимся в рамки статистических данных решением общества: теперь из привычного интеллигентного окружения он вынужден отправиться в мир, где бессердечие и продажность чести. Здесь, за пределами Периметра, он встречает ту самую тьму, без которой невозможен привычный ему свет, и это заставляет его пройти свой собственный путь взросления.

Пустые мусорные баки. Больше за окном смотреть было не на что, но Максим продолжал напряженно вглядываться в этот унылый пейзаж. Не заслуживали такого пристального внимания и аккуратно подстриженные кусты, выполняющие декоративную функцию. На самом деле так юноша пытался собраться с мыслями и переварить только что услышанное.

– Честно говоря, до сих пор я ни разу не сталкивался с таким результатом, – неуверенно сказал специалист Тестового центра и поправил очки. – Случай из ряда вон выходящий.

Максим, наконец, перестал вглядываться в мусорные баки и посмотрел на сидящего напротив мужчину лет сорока на вид с гладко выбритыми щеками, острым носом и широкими скулами. Взгляд юноши зацепился за его выпирающий кадык – тот словно жил своей жизнью, прыгая вверх-вниз, казалось, в самые неподходящие моменты.

Специалист прокашлялся и склонился над распечаткой теста, разложенной перед ним

– Очень жаль, но в документации прописаны точные цифры, – его голос звучал так, будто он просил прощения. – От ста баллов и выше. А у Вас, как я уже озвучил, девяносто девять.

Взглянув исподлобья на юношу, он вздохнул и продолжил:

– Не отчаивайтесь, жизнь за пределами Периметра не сильно отличается от той, к которой Вы привыкли. Просто немного другой... уровень. Все чуть проще. Обыкновенная городская жизнь рядом с такими же людьми. Правда, искусство там мало развито...

Максим почти не слушал специалиста. Он хорошо помнил по школьной программе, что такое «жизнь вне Периметра». Вредное производство, дурные нравы, зловонные сточные канавы и многое другое, про что часто рассказывали педагоги, стараясь повлиять на детей. Отчасти это удавалось – одни прилагали больше усилий в учебе, другие влюблялись в описываемый мир недозволенного и забрасывали обучение совсем.

Когда юноша уже покидал кабинет специалиста, тот напоследок сунул ему в руку брошюру и подбадривающе, как ему самому казалось, похлопал по плечу.

Выходить наружу Максим не торопился – нести дурную весть домой было тяжело, непосильно для подростка. Оттягивая неизбежность, он на ходу листал брошюру, информацию из которой получил еще в детстве, да и многократно повторяемую на занятиях. Но сейчас она была какой-то новой, необычной... нужной.

Листовка была оформлена в сдержанном, но дружелюбном стиле, всем своим видом напоминая, что напечатана в Периметре – оплоте изящества и величия человечества. Содержание также отличалось высоким слогом, хоть и повествовало о не самых высоких событиях человеческой истории.

Несколько поколений назад общество начало страдать от перенаселения, поэтому не могло позволить себе нецелевого использования территорий и ресурсов. Тогда была проведена Реформа Каплана, которая была встречена большинством крайне недружелюбно. Суть ее заключалась в принудительном разделении людей на две части в зависимости от уровня интеллекта. Тест Никитина был призван совершить это самое деление, установив пороговый показатель в 100 баллов из 160 возможных. Интеллектуальное меньшинство получило право жить в Периметрах – огороженных центральных частях городов. Все остальные отправились за их пределы.

Жизнь внутри Периметра олицетворяла собой все лучшие качества и достижения человечества – здесь не было места как лжи, сквернословии и внебрачным отношениям, так и дизельным двигателям, вредным фабрикам и ярким неоновым огням. Все запрещенное получило широкое распространение во «внешнем мире».

Лозунгом жителей Периметра негласно стала фраза «Все для будущих поколений», остальных – «Живи в свое удовольствие». Причина таких ценностей была проста: каждый живущий вне Периметра не мог иметь детей – Реформа Каплана предусматривала принудительную стерилизацию.

То же ждало и Максима.

Брошюру он бросил в аккуратную небольшую урну, покидая здание.

Его одноклассники стояли снаружи, чуть поодаль от дверей Тестового центра, и разговаривали о чем-то со сдержанными улыбками на лицах – возраст обязывал быть аккуратнее с демонстрируемыми эмоциями.

– Привет, – поздоровался Парвиз, – Все хорошо? Ты задержался.

– Привет! Все нормально, зашел умыться, – ответил Максим, стараясь не дать краске проступить на лице.

Ребята приветственно кивнули и, заметив покрасневшие щеки товарища, опустили глаза. Каждый понимал, что это значит.

– Давайте пройдемся, поговорим о чем-нибудь, – предложил Алин, жестом указывая в сторону парка. На территории Периметра зеленые зоны были повсюду.

Группа двинулась в указанном направлении. Правила хорошего тона призывали не проявлять внутренних переживаний на глазах у посторонних, то есть где-либо, кроме родного дома. Раньше они считались детьми, поэтому могли без опаски громко смеяться на улицах, кричать всякие несуразицы, размахивать руками, теперь же, когда им было по восемнадцать лет, да еще и тест Никитина пройден, вести себя по-детски уже было нельзя.

– Хочу на этой неделе посетить новую выставку Лучано, – первой нарушила молчание Агата – единственная представительница прекрасного пола в этой компании. – Мама очень советовала.

– А я уже успел побывать на ней, – отозвался Давид с весьма недовольным видом. – Должен признать, прошлые его работы были весьма интересны. Новые же мне показались пародией на картины, уже приобретшие популярность. Самоплагиат, если можно так выразиться.

– Вот уж не соглашусь, – запротестовал Парвиз. – Среди выставленных работ немало достойных. Одна «Угасающая юность» чего стоит!

– Так «Угасающая юность» ведь перекочевала из прошлой выставки, – с некоторым ехидством напомнил Давид. – А на ту с позапрошлой.

– Ах, и верно, – Парвиз прикусил нижнюю губу. – Я ведь читал в подписях об этом.

– Мне кажется, что нам стоит сходить всем вместе и посмотреть на деле, раз уж там сразу собраны и новые, и старые работы художника, – задумчиво сказал Алин, растягивая слова.

Одобрительные возгласы остальных ребят означали, что решение принято – нужно идти.

После этого они впятером спустились по аллее, обсуждая творчество других художников современности и прошлого, затем переключились на поэтов и, горячо дискутируя о работах Блока и новых его последователях, остановились у автомобильной дороги. Бесшумные моторы проезжающих электрокаров не мешали продолжать беседу.

– А я вот думаю, что живи Александр Александрович в наши дни, – рассуждал Парвиз. – Он бы таких стихов не писал. Ведь несогласие с теми или иными устоями общества и рождает пламенный протест, превращенный в поэзию.

– Не совсем тебя понимаю, – отозвался Алин. – Ты хочешь сказать, что жизнь поэта – постоянное негодование?

– Возможно, он имел в виду другое, – ответила за товарища Агата, ее глаза заблестели. – Что поэт по своей сути всегда боец, воин духовного, сражающийся с дурными нравами ради всеобщего блага. А поскольку сейчас человек излечился от многих недугов старого мира, классикам пришлось бы поднимать совершенно иные темы. Я верно поняла тебя?

– Ну... да, – сконфуженно отозвался Парвиз. Глядя на него, становилось понятно, что он закладывал в свои слова далеко не такой глубокий смысл. – Я об этом и говорил.

Видя смущение товарища, ребята тихо захихикали и, решив на этом закончить дискуссию, начали расходиться. Парвиз и Давид двинулись к автобусной остановке, Алин – вниз по улице, а Максим с Агатой – в противоположную сторону.

Периметр был безопасной территорией, здесь почти не случалось преступлений, хотя и Департамент внутренней безопасности без работы не сидел: ранимые творческие натуры иногда не могли сдерживать своих чувств. Однако юной девушке на улице в любое время суток опасаться было нечего, кроме, конечно, взглядов прохожих, но по старой традиции дама идти домой одна не должна была. Поэтому с первого класса Максим провожал одноклассницу до дверей ее дома, ведь жил от нее всего в паре кварталов – ближе всех других одноклассников.

Когда-то этот долг его расстраивал, но потом превратился в приятное времяпрепровождение. Прямо сейчас эта прогулка была ему необходима.

– Агата, я хочу кое-что тебе сказать, – решительно начал он. К этому времени они уже почти дошли до цели в полном молчании.

– Да, конечно, что такое? – девушка постаралась как можно искреннее изобразить удивление и интерес. Конечно, они оба понимали, о чем будет этот разговор, но этикет не позволял даме предполагать вслух что-либо расстраивающее или постыдное для джентльмена, чтобы не поставить его в неловкое положение.

– Я не прошел тест, – выпалил Максим, одновременно почувствовав, как массивный валун упал с его плеч.

– Это очень печально, – ответила Агата, изобразив изумление. Она опустила голову и еле слышно всхлипнула. Это уже не было наиграно. – Что... что теперь будет?

– Ты знаешь.

Девушка покивала головой и снова всхлипнула. Глаза ее блестели, но ни одна слезинка не скатилась по щеке. К этому времени они уже были у крыльца ее дома.

– Я надеялась, что мы будем впятером поступать в Университет, – сказала она, грустно улыбнувшись. – Всю школу же вместе отучились, с юных лет дружим. Очень боялась за Парвиза, ведь у него не всегда хорошо получалось с некоторыми предметами. Но он все-таки справился...

– ...а я всех подвел.

– Нет, что ты? – воскликнула Агата и покраснела, поняв, что сама подвела друга к такому выводу. – Я не это имела в виду, просто... просто...

Ей стоило немалых усилий, чтобы не заплакать.

Максиму захотелось взять ее за руку, как делал отец, когда мать грустила, но это было бы неприлично. Он просто стоял и молчал, не находя слов.

– Прости, прости, – немного успокоившись добавила девушка. – Мне сейчас тяжело говорить. Давай вернемся к этой теме завтра?

– Да, конечно, – с радостью согласился Максим. – Мы, кстати, так и не решили, когда пойдем на выставку Лучано.

Агата развела руками.

– И точно! Нужно будет всех обзвонить.

– Завтра вечером созвонимся?

Девушка лишь кивнула в ответ и поднялась к двери. Максим был настолько глубоко погружен в мысли, что повернулся и направился домой, даже не дождавшись, пока она закроет за собой дверь.

Агате захотелось окликнуть его и сказать что-то ободряющее, но она так и не решилась. Лишь продолжала смотреть ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

Родители были не сильно удивлены. К шокирующей новости они явно готовились, но сил сдержать слезы у матери не хватило. Она убежала в комнату и не выходила из нее весь вечер. После того, как звон в ушах от с силой захлопнутой матерью двери прошел, отец пригласил Максима на кухню.

– Послушай, сын, я не стану корить тебя за то, что произошло, – начать ему удалось только с третьего раза. Говорил он так тихо, что юноша едва разобрал слова. – Я все понимаю,

даже хорошая учеба не гарантирует высокий результат теста. И не могу винить тебя или твоих учителей. Но, конечно, я расстроен. Про мать даже говорить не буду, сам все видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.